

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 331.5 (470+517.3)

DOI 10.18101/2306-630X-2022-2-24-37

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ И МОНГОЛИИ

© **Голенкова Зинаида Тихоновна**

доктор философских наук, профессор, руководитель

Центра исследования социальной структуры и социального расслоения,

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Россия, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1

golenko@isras.ru

© **Цэвээний Цэцэнбилэг**

Ph.D., главный научный сотрудник,

Институт философии Академии наук Монголии

Монголия, 211238, г. Улан-Батор, ул. Баруун Сэлбэ, 15;

доцент,

Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов

Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

tsetsenbilegts@gmail.com

© **Бадарев Дамдин Доржиевич**

доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6;

доцент кафедры теории социальной работы

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

damdin80@mail.ru

© **Голусова Юлия Вячеславовна**

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Россия, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1

ygoliusova@yandex.ru

© **Самба Анна Демир-Баадыровна**

младший научный сотрудник отдела социальной структуры,

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Россия, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1

sundui2012@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов неформальной занятости в Монголии и регионах российско-монгольского приграничья — республиках Бурятия

и Тува. Неформальная занятость рассматривается как адаптационный механизм населения в условиях современных социально-экономических вызовов. Анализ статистических данных показал значимость проблем неформальной занятости для изучаемых территорий и необходимость их разрешения методами государственного регулирования. Введение статуса «самозанятый» в российской практике положило начало легализации неформально занятых, возможности их учета через специальный налоговый режим и оказанию мер государственной поддержки, особенно в кризисные периоды. Данный налоговый режим стал доступным и для индивидуальных предпринимателей, желающих получить государственную поддержку. Трансформация общества и рынков труда повлияла на ревитализацию традиционных хозяйственных практик на российско-монгольском трансграничье. Закрепление в обществе института частной собственности и диверсификация отраслей экономики способствуют распространению в обществе «свободных» профессий.

Ключевые слова: неформальная занятость, самозанятый, специальный налоговый режим, легализация, Монголия, Бурятия, Тува.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации».

Для цитирования

Региональная специфика неформальной занятости в России и Монголии / З. Т. Голенкова, Ц. Цэцэнбилэг, Д. Д. Бадараев [и др.] // Восточный вектор: история, общество, государство. 2022. Вып. 1. С. 24–37.

XXI век поставил перед человечеством сложные проблемы, связанные с существованием и парадигмой вообще человеческой (земной) цивилизации, что не могло не отразиться во всех сферах жизнедеятельности современных обществ. Одной из таких проблем стал и противоречивый процесс изменений в одной из основополагающих сфер жизнедеятельности человеческого общества — в социальной структуре общества.

Изменения в этой сфере происходили всегда, иногда они шли в ускоренном темпе, иногда замедлялись. Однако по сравнению с другими сферами жизнедеятельности и социальными институтами они протекали медленнее, чем быстрее. Например, что мы можем сказать о последнем десятилетии XX в.? Так, если в конце XIX в. почти все трудоспособное население в подавляющем большинстве стран имело собственное дело и обеспечивало себя самостоятельно (около 90%), то уже спустя 100 лет, в конце XX в., более 90% активного населения в экономически развитых странах, в том числе и в России, превратилось в наемных (в условиях ускоренной индустриализации и урбанизации).

Новые вызовы научно-технических достижений человечества и проявления надвигающейся четвертой промышленной революции демонстрируют возможности распространения новых видов занятости на рынке труда. Меняются экономические основы и формулы функционирования мировых и региональных рынков труда. Продолжается своеобразное переформатирование ответственности субъектов рынка труда перед государством и гражданским обществом. В связи с этим тема неформальной занятости приобретает особое значение для общества и его будущего.

В связи низкими социально-экономическими показателями, глокализацией и интенсификацией процессов неотрадиционализма и неоархаизации на российско-монгольском трансграничье требуется всесторонняя оценка процессов на рынке труда. Историко-культурная и этническая идентичность с монгольским миром, аналогичные традиционные хозяйственные практики становятся значимым фактором при изучении вопросов неформальной занятости в Монголии и приграничных с ней национальных регионах РФ — республиках Бурятия и Тыва.

Неформальная занятость: за и против

В отечественной научно-исследовательской практике проблема неформальной занятости считается недостаточно проработанной. В общих чертах под понятием «неформальная занятость» понимается вид занятости граждан без юридического оформления трудовых отношений, направленный на удовлетворение личных и общественных потребностей с целью получения трудового дохода.

В то же время к основной характеристике такой занятости относится низкая ответственность наемного работника и работодателя перед государством и обществом, т. е. налоговыми органами, государственными внебюджетными фондами пенсионного обеспечения, социального и медицинского страхования. Неофициальная договоренность между сторонами не обеспечивает гарантии качественного выполнения ими своих обязательств: со стороны работодателя — создания условий труда, предоставления социального пакета, регулярной выплаты заработной платы, что осуществляется в так называемых «конвертах», а со стороны наемного работника — качественного выполнения порученных трудовых задач. «При этом неофициально занятые работники не защищены никакими гарантиями, их заработок может быть весьма низким и нерегулярным, что превращает проблему неформальной занятости в проблему бедности» [1, с. 15].

Сложность проблемы и методологический плюрализм приводят к разным оценкам численности неформально занятых в России. По методологии Федеральной службы государственной статистики (Росстат) в качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица. Численность неформально занятых Росстат оценивает как разницу между числом всех занятых в экономике (людей спрашивают, выполняют ли они какую-либо деятельность за плату) и количеством рабочих мест, замещенных в юридических лицах. По оценке 2017 г., из 30 млн занятых в неформальном секторе россиян (более 40% экономически активного населения) 21,7 млн человек имеют дополнительную к основному месту работу, неоформленные заработки либо получают часть зарплаты в «конвертах». Росфинмониторинг в 2018 г. оценил объем теневой экономики в 20,7 трлн р., или 20% ВВП¹. Согласно методологии Росстата демонстрируется рост показателя за последние десятилетия (в 2008 г. — 13,837 млн чел.), в 2021 г. численность занятых в неформальном секторе страны составила 14,571 млн чел.², при этом 13,7 млн из них работают только в неформальном секторе, а оставшие-

¹ В России выросла неформальная занятость. РБК (27.03.2019). URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2019/5c9a3ea19a7947d947c377c5> (дата обращения: 15.10.2022). Текст: электронный.

² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): статистический сборник / Росстат. 2022. С. 88.

ся — параллельно и в формальном секторе. В. Е. Гимпельсон утверждает, что к неформальной занятости следует относить и ту занятость, которую сами граждане считают своей основной работой, и ту, которая является второй или дополнительной работой... Доля этого сектора в общих затратах рабочего времени в экономике может при этом быть значительно больше, чем доля сектора с официальной занятостью [2].

Вместе с тем неформальная занятость имеет и некоторые позитивные моменты. В социальной сфере неформальная занятость выступает своеобразным стабилизатором социально-экономической ситуации в обществе, хотя она вызывает беспокойство своими масштабами и наличием существенной нелегальной составляющей. Неформальная занятость позволяет разным социально-демографическим и профессиональным группам населения получать доходы, особенно в периоды турбулентных волн. Благодаря такой занятости граждане остаются «на плаву», сохраняют и поддерживают приемлемый уровень жизни. В такие периоды начинают работать «социальные лифты», а отдельные инициативные категории граждан становятся успешными предпринимателями в секторах неформальной занятости. Нарушение действующего трудового и налогового законодательства становится для них нормой, но в то же время создание для граждан новых рабочих мест и производство общественно полезного продукта — товаров и услуг — в определенной степени оправдывают их нелегальный статус.

В трудовой сфере и в социальной жизни обществ в XXI в. мы наблюдаем новые интересные процессы. В начале XXI в. у некоторой части общества (преимущественно в молодежной среде) возникла потребность уйти из трудовых коллективов, перестать быть «винтиками» производственных процессов и найти способ самим себя обеспечить работой, другими словами, превратиться в самозанятых, отдав предпочтение свободе, а не стабильности. Так появились первые ласточки прекариев, превратившись в достаточно многочисленный слой прекариата практически в большинстве стран. Гай Стэндинг довольно детально проанализировал это явление и процесс в своей книге «Прекариат: новый опасный класс».

Между тем процессы модернизации идут во всех сферах жизнедеятельности общества параллельно с возрождением элементов патриархальности. Например, Айзенштадт в своих работах пишет, что модернизация может принимать разные формы, в том числе давать эффект «консервативного поворота», особенно среди молодых и образованных людей. Так, в частности, создание, например, новой национальной идентичности (особенно в полиэтничных регионах РФ) связано с возвращением к «истокам», конструированием традиционных повседневных практик.

Стремительно стала расти численность слоев, получивших название прекариата и самозанятых. Да и внутри отдельных социальных слоев, групп, в первую очередь в молодежной среде, появились новые социальные слои (например, некст-слой, поколение А, В, X, Z и др.), которые резко отличаются друг от друга. Кроме того, существенные метаморфозы происходят и в других социальных группах. Процессы протекают достаточно противоречивые, наряду с элементами модернизации (внедрение в практику информационных технологий) присутствуют элементы возврата к некоей патриархальности. В ряде стран и регионов

наблюдаем возврат к ведению патриархального хозяйства и возврат, казалось бы, ушедшим в прошлое профессиям — чабана, арата, шамана, лекаря. Причем современные информационные технологии как бы способствуют этому обособлению, индивидуализму, своеобразному номадизму. Реальность заставила многие страны официально признать и узаконить этот многочисленный слой самозанятых. Так и хочется поставить вопрос — это путь вперед или назад в прошлое. Вопрос лишь в том, с какой позиции смотреть на этот процесс. С позиции индивида — это путь к большой свободе и независимости, но и одновременно путь к неопределенности и утрате уверенности в «завтра» в условиях всеобщей неопределенности (постмодернизм) и постоянных рисков.

Неформальная занятость, как и в любой другой стране, относится к числу актуальных социально-экономических проблем и в Монголии. По определению Национального статистического комитета Монголии к неформально занятым относятся работники и члены их семей, имеющие свой доход и вносящие свой посильный вклад в трудовой процесс, которые не имеют юридической регистрации, обеспечивают занятостью свою хозяйственную единицу, не используют со стороны наемный труд и производят товары и продукты для собственного потребления¹. В этом смысле статус самозанятых в Монголии имеет более традиционную интерпретацию и связан с отсутствием юридической регистрации, свободным графиком труда и получением трудового дохода.

Исходя из нововведения в российском законодательстве касательно статуса «самозанятый», а также разницы в государственных нормативно-правовых системах, понятия «неформальная занятость» и «самозанятость» в России и Монголии имеют схожие, но не идентичные трактовки.

Монголия, Бурятия и Тува в цифрах рынка труда

Монголия имеет ряд специфических характеристик по показателям рынка труда. Численность населения Монголии на конец 2021 г. составила 3,312 млн чел. Соотношение городского и сельского населения составило 67,2 к 32,8 % соответственно. Рабочая сила Монголии — 1225,4 тыс. чел., из них занятые — 1125,0 тыс. чел. (52,3%), безработные 99,8 тыс. чел. (8,1%)². К особенностям экономики и рынка труда Монголии относятся наличие больших запасов минерально-сырьевых ресурсов, животноводческая ориентированность, оптово-розничная торговля. Эти три сектора занимают первые три позиции в структуре ВВП страны, в составе каждого из них присутствуют крупные группы неформально занятых. Животноводческая сфера часто становится «краеугольным камнем» при исследовании рынка труда в стране. Возникают методологические вопросы при определении статуса занятости некоторых представителей традиционных аратов-скотоводов, общая численность которых в стране достигает 300 тыс. чел. Нелегальная добыча золота привела к росту численности так называемой социальной группы «ниндзя», состав которой формируется из числа представителей самых разных социально-демографических и профессиональных групп и слоев населе-

¹ Албан бус хөдөлмөр эрхлэлт, хүйс, бүс, аймаг, нийслэлээр, жилээр (Неформальная занятость по полу, поясам, аймакам, столице, годам). Национальный статистический комитет Монголии. URL: https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id (дата обращения: 06.10.2021).

² Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл — 2021 // Статистический ежегодник Монголии — 2021. Улан-Батор, 2022. С. 94.

ния. По оценкам монгольских и западных исследователей в пиковые для нелегалов годы (2000–2010) сезонная численность ниндзя колебалась от 30 до 100 тыс. чел., а ежегодные объемы добываемого ими золота достигали половины всей массы золотодобычи страны. Челночный бизнес многие годы оставался источником дохода многих торговцев на крупных рынках столицы и населенных пунктов страны. В ковидные 2020–2022 годы произошли изменения в способах доставки импортных товаров из соседних стран — без очного участия сторон, тогда как товарные рынки продолжают функционировать в прежнем режиме. Кроме выраженных неформальных групп в социальной структуре общества в среде монгольского населения популярностью пользуются любые виды занятости, приносящие хоть какой-нибудь доход. Здесь не теряют своей актуальности профессии таксистов, грузчиков, парикмахеров, автослесарей, поваров, скотоводов и др. Примечательно, что на всем протяжении постсоциалистического периода в Монголии остаются на высоком уровне показатели бедности, безработицы, неформальной занятости, внутренней миграции и трудовых оттоков из страны. Монголы свободно перемещаются за пределами своей страны в поисках лучшей доли. Согласно данным государственной статистики за рубежом постоянно проживают 97,6 тыс. монгольских граждан¹ тогда как неофициальная статистика оперирует цифрами, превышающими официальные данные в 2–3 раза.

В Монголии за 2017–2020 гг. произошли значимые изменения в структуре неформальной занятости. Так, за этот период по причине изменения методологии подсчета (с 2019 г. включено сельское хозяйство, ранее считалось отдельно), а также влияния пандемии COVID-19 доля неформально занятых работников сферы торговли и услуг снизилась с 43,4 до 12%, тогда как работников сферы сельского и лесного хозяйства, рыболовства и охоты стало 58,4%. Также уменьшилась в 3 раза (до 7,8%) численность операторов машин и механизмов, сборщиков, людей, занятых в сферах обслуживания; в 2 раза (до 12%) уменьшилась численность работников производства, строительства, связи, обслуживания².

По данным Международной организации труда в 2020 г. неформальная занятость в Монголии составила 41,4%. По данным органов статистики в 2020 г. за пределами рабочей силы находились 877,5 тыс. чел., из которых к потенциальной рабочей силе были отнесены 70,7 тыс. чел. Результаты исследования рабочей силы в Монголии показали, что 69,3% рабочей силы проживает в городской местности, а 30,7% — в сельской. Самый высокий уровень трудового участия в Кобдосском аймаке (77,1%), самый низкий — в Баян-Улгийском аймаке (43,7%). По всей стране от общего количества занятых 856,0 тыс. чел. (74,7%) трудятся вне сельскохозяйственного сектора, из них 195,2 тыс. чел. (22,8%) отнесены к неформально занятым. В то же время от общего количества всех занятых в стране количество неформально занятых в сельском хозяйстве составило 476,1 тыс. чел. (41,5%) [1, с. 21]. Данные по Монголии показывают, что проблема с неформальными секторами экономики имеет огромные масштабы. Цифры также различаются по поясам и аймакам страны. Особой отраслью является традици-

¹ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл — 2021 // Статистический ежегодник Монголии — 2021. Улан-Батор, 2022. С. 48.

² Ажиллах хүчний судалгааны үндсэн тайлан 2019 (Отчет по результатам исследования рабочей силы — 2019). Национальный статистический комитет. Улан-Батор, 2020. 150 с.

онное животноводство, где представлено самое большое количество неформально занятых.

Тенденции изменения трудового законодательства в регионах России повторяют общефедеральную специфику. Рассматриваемые две республики российско-монгольского приграничья по перечисленным параметрам характеризуются как отсталые и дотационные регионы, с низким уровнем экономической самостоятельности, но богатые природными минерально-сырьевыми ресурсами. В октябре 2022 г. в рейтинге регионов по доходам населения, Тыва занимает 85-е место с уровнем бедности в 29,4 %, а Бурятия 69-е место с уровнем бедности в 19,9 %¹. В современных условиях в регионах приграничья в качестве ответа на вызовы модернизации и рыночной системы получают развитие неформальные виды занятости, самозанятости, а также традиционные хозяйственные практики. Остается актуальной роль регионов в качестве сырьевого придатка и транзитных территорий на пути строительства экономических коридоров России, Монголии и Китая.

Общая численность населения Республика Бурятия составляет 985,4 тыс. чел. Преобладающими секторами экономики являются горнорудная промышленность, сельское хозяйство, торговля и сфера услуг. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в августе 2020 г. составила 427,2 тыс. человек, или 43,3% общей численности населения республики, из них 381,9 тыс. человек были заняты в экономике республики и 45,4 тыс. человек были безработными. По сравнению с 2021 г. к середине 2022 г. наблюдается тенденция роста уровня занятости до 51,7% и снижения уровня общей безработицы до 8%².

Численность занятых в неформальном секторе Республики Бурятия в 2021 г. составила 14 571 чел., из них работали по найму 63,5%, не по найму — 36,5%. Лидирующими отраслями по количеству таких занятых являются «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (4,5 тыс. чел.), «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (2,3 тыс. чел.), по 1,5 тыс. чел. трудятся в отраслях «строительства», «обрабатывающих производств», «транспортировки и хранения». Остальные отрасли неформального сектора экономики республики представлены намного меньшим количеством занятых в них. Между тем известно, что реальные цифры намного выше официальных данных. Например, в 2018 г. по данным РБК доля неформально занятых в Бурятии составила треть общего числа занятых³.

В Республике Тыва наблюдаются специфические тенденции в развитии рынка труда. Тува — богатейший по своему природному потенциалу край, числится самым бедным регионом в стране. Уровень занятости населения в 2019 г. соста-

¹ Рейтинг регионов по доходам населения — 2022. URL: <https://rating.ru/infografika/20220620/630224442.html> (дата обращения: 30.10.2022). Текст: электронный.

² О численности рабочей силы и лицах, не входящих в ее состав по Республике Бурятия во 2-м квартале 2022 г. (по материалам выборочных обследований рабочей силы). URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/03-02-11_2022-2.pdf (дата обращения: 10.10.2022). Текст: электронный.

³ В России выросла неформальная занятость. РБК (27.03.2019). URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2019/5c9a3ea19a7947d947c377c5> (дата обращения: 15.10.2022). Текст: электронный.

вил 52%. Национальная цель и самая важная стратегическая задача развития в российском обществе до 2024 г. — снижение уровня бедности в два раза. В связи с этим в Туве разработана дополнительная программа по преодолению социальных проблем и снижению уровня бедности с 37,6% в 2019 до 17% в 2024 г. По данным Министерства труда Тывы, в 2019 г. бедность в регионе снизилась на 2,9%, а в 2020 — на 4%.

Для Республики Тыва наиболее важным является наличие десятков градообразующих, как правило, неплатежеспособных предприятий, закрытие которых или ухудшение их положения резко сказывается на уровне жизни населения. Вопросы неформальной занятости в основном актуальны для субъектов малого и среднего предпринимательства. На 1 января 2019 г. индивидуальных предпринимателей было зарегистрировано 5 985, крестьянских (фермерских) хозяйств — 1 153, обществ с ограниченной ответственностью — 1 437, или 41% общего количества юридических лиц (3 511 ед.). Из указанного количества 1 856 субъектов имели 16 186 наемных работников, т. е. явились работодателями¹. Так, по данным статистики в 2019 г. доля лиц, неформально занятых в секторах экономики региона, составила 30,7% общего количества занятых в экономике, или в абсолютных количествах — 32 931 человек. Республиканский показатель доли неформально работающих граждан превышает среднероссийский на 8,4%. Наибольшая доля неформально занятых граждан в сфере услуг и торговли — 32,1% (10 565 чел.), сельском хозяйстве — 26,8% (8 828 чел.), пассажирских перевозках — 12,3% (4 045 чел.).

Согласно анализу данных статистики, все три рассматриваемые территории имеют схожие тенденции формирования занятых и неформально занятых граждан, характеризуются наличием больших запасов минерально-сырьевых ресурсов, ориентированностью на развитие традиционного сельского хозяйства, развитием непроемких сфер торговли и услуг. Слабость экономики территорий сказывается на уровне жизни населения, способствует росту безработицы, нерегулируемым миграционным перемещениям внутреннего и внешнего плана. Неформальные виды занятости становятся адаптационным механизмом приспособления граждан Монголии, Бурятии и Тувы к современным вызовам экономики и кризисным явлениям в социальной сфере.

Самозанятость в российской трудовой практике

Помимо общих законодательных мер и повышения ответственности граждан перед обществом государством предпринимаются инновационные способы вывода неформально занятых в сферу легальных трудовых отношений через систему льготного налогообложения и поддержки малого и среднего предпринимательства.

Одной из системных мер по легализации категорий граждан, получающих доходы не по трудовому договору, стало введение в общественную практику статуса «самозанятый». В исследовательской среде данное понятие не имеет одно-

¹ Неформальная занятость в Туве выявляется в секторе розничной торговли и общественного питания при оказании услуг по перевозке пассажиров. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn17/news/activities_fts/8827491/ (дата обращения: 10.09.2022). Текст: электронный.

значной трактовки ввиду его интерпретации как с традиционных позиций, так и относительно недавнего закрепления термина в российском законодательстве.

К традиционным самозанятым можно отнести индивидов, которые используют ресурсы по месту проживания (в т. ч. природные), признаются народом как «мастера своего дела». К традиционным формам занятий можно отнести самозанятых специфическими видами деятельности, где самостоятельно регулируется режим рабочего времени и отсутствует государственная регистрация в качестве юридического лица. Традиционная самозанятость для них может быть как основной, так и дополнительной работой, которой индивид занимается постоянно и ненормированно на ежедневной или сезонной основе. Результатом таких занятий является самообеспечение индивида, т. е. получение дохода от своего труда. Конечный результат традиционного самозанятого идентифицируется как местный уникальный продукт, специфические услуги населению, обучение творческому мастерству и т. д.¹

В российской практике после закрепления статуса «самозанятый» был начат эксперимент по установлению специального налогового режима для самозанятых «Налог на профессиональный доход». Данный налоговый режим был запущен в 2019 г. в пилотных регионах в качестве эксперимента сроком на 10 лет. В 2020 г. по указу Президента РФ проект был распространен практически на все остальные регионы страны. Он является инновационным механизмом в трудовом и налоговом законодательстве страны, его действие должно стать стабилизирующим фактором при возникновении социальных рисков для самозанятых. Действие данного закона позволило государству оказать поддержку самозанятым, малому и среднему предпринимательству, особенно в периоды пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Согласно закону плательщиками налога на профессиональный доход могут быть граждане, которые не имеют работодателя и наемных работников, создают продукт или услугу самостоятельно и получают доход не более 2,4 млн рублей в год. Если в течение месяца у самозанятого не было никаких доходов, то налог не начисляется. Ставка налога составляет 4% для работающих с физлицами и 6% для работающих с компаниями и индивидуальными предпринимателями. Из уплаченной суммы 63% зачисляется в бюджет региона, 37% — в фонд медицинского страхования. Если доход с начала года превысит лимит (2,4 млн р.), то все последующие денежные поступления за профессиональную деятельность будут облагаться НДФЛ по ставке 13%. При этом самозанятый может работать по трудовому договору, его зарплата не будет учитываться при расчете налога, а трудовой стаж не будет прерываться². Опыт реализации мер по снижению неформальной занятости в Бурятии и Туве показал их действенность и возможности дальнейшего расширения аналогичных мер.

¹ Рейтинг регионов по доходам населения — 2022. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220620/630224442.html> (дата обращения: 30.10.2022). Текст: электронный.

² В Бурятии за год вдвое выросло количество самозанятых граждан. URL: <https://www.infpol.ru/233670-v-buryatii-za-god-vdvoe-vyroslo-kolichestvo-samozanyatykh-grazhdan/> (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.

Из опыта легализации неформальной занятости

В Республике Бурятия неформальная занятость имеет немалые масштабы, об этом прямо и косвенно свидетельствуют результаты социологических исследований, а также данные официальной статистики и налоговых органов.

Результаты ранее проведенных исследований подтверждают не столь благополучное положение в экономике региона¹. Показатели уровня жизни населения республики обусловлены низкими доходами работающего населения (за чертой бедности находятся около 20% населения), готовностью трети жителей сменить место работы (34,6%), дополнительной занятостью (26%) и поиском новых источников дохода (29%). Исследование показало, что четверть опрошенных никогда не работала по профессии, полученной в учебном заведении, а 23,5% — работали, но поменяли. Очевиден дисбаланс между рынком образовательных услуг, рынком труда и отраслями экономики республики. Обобщенные данные исследования подтверждают общероссийскую картину о существенной доле неформальной части в структуре занятости региона.

С принятием особого налогового режима «Налог на профессиональный доход» в Бурятии начата системная работа по выводу неформально занятых в легальную сферу посредством предоставления им статуса самозанятых. Предприниматели Бурятии также получили право перехода на данный режим с 1 июля 2020 г.² По информации УФНС по Бурятии, на 1 апреля 2020 г. на специальный налоговый режим получили возможность перейти более 11,4 тыс. индивидуальных предпринимателей республики.

По данным Министерства промышленности, торговли и инвестиций Республики Бурятия, в 2021 г. самозанятым были предусмотрены субсидии из республиканского бюджета: для 2 416 человек 15,5 миллиона рублей для возмещения неполученных доходов из-за введенных ограничений, связанных с распространением ковида.

Предлагаемые государством и региональными властями меры поддержки самозанятых привели к росту числа самозанятых. По информации налоговой службы, если на 1 августа 2020 г. самозанятых было зарегистрировано 3 395 человек, то через год их количество выросло вдвое и составило 7 205. Если за 6 месяцев 2020 г. в консолидированный бюджет республики по этому режиму налогообложения поступило 687,4 тыс. р., а за первое полугодие 2021 г. зачислено почти 7,8 млн р.³ Всего в Бурятии планируют зарегистрировать до 2024 г. 13,3 тыс. самозанятых. Ожидается, что налоги от самозанятых в республиканский бюджет

¹ Исследование проведено в 2015–2016 гг. по инициативе Института социологии ФНИСЦ РАН. Выборочная совокупность анкетирования составила 1000 чел., определенной по взаимосвязанным квотам — по месту проживания, полу и возрасту работающих граждан. Места проведения исследования — г. Улан-Удэ, Кяхта, пгт. Онохой, Усть-Баргузин, Наушки и 5 сельских районов республики — Иволгинский, Баргузинский, Еравнинский, Кижингинский и Кяхтинский.

² Налоговый режим для самозанятых в Бурятии появится с 1 июля (07.02.2020). URL: <https://мойбизнес.пф/сми/nalogovery-rezhim-dlya-samozanyatykh-v-buryatii-poyavitsya-s-1-iyulya> (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.

³ В Бурятии за год вдвое выросло количество самозанятых граждан. URL: <https://www.infpol.ru/233670-v-buryatii-za-god-vdvoe-vyroslo-kolichestvo-samozanyatykh-grazhdan/> (дата обращения: 20.09.2022). Текст: электронный.

могут составить до 25 млн р. Введение спецрежима для бизнеса рассматривается не как способ пополнения бюджета, а лишь как стимулирующая и антикризисная мера.

В теневой экономике эффективной была работа по ее легализации и в Республике Тыва. По результатам 2019 г. Министерством труда и социальной защиты Республики Тыва проведена масштабная работа, включающая не только информационно-разъяснительную кампанию, принудительные меры, но и стимулирование граждан на выход из тени. Во время рейдовых мероприятий по легализации неформальной занятости в 2019 г. проведена беседа с охватом более 1000 субъектов малого и среднего предпринимательства, в результате которого легализовано 3 498 человек. За 9 месяцев 2018 г. в рейтинге российских регионов Тува по показателям легализации неформальной занятости поднялась с 65-й позиции на 43-ю¹.

В Туве в рамках профессионализации традиционных видов занятости рассматриваются такие социальные группы, как чабаны, сакманщики, табунщики, музыканты-хоомейжисты, шаманы, костоправы, нетрадиционные лекари, камнерезы, администраторы и персонал санаторно-курортных учреждений и др. В тувинском обществе стабильно сохраняется спрос на традиционные виды деятельности, которые за последние несколько десятилетий несколько не утратили своей общественной и экономической значимости.

Для повышения уровня жизни идет поддержка малообеспеченных категорий населения. Почти 98% многодетных семей в силу высокой демографической нагрузки попадают в категорию малоимущих. Именно на них была сконцентрирована адресная социальная поддержка в рамках социальных проектов «Корова-кормилица», «Кыштаг для молодой семьи», «Социальный уголь», «Социальный картофель» и др. Например, по условиям проекта «Кыштаг для молодой семьи» запланировано увеличение количества фермерских хозяйств с 1 100 (действующих в республике на момент старта проекта) до 1 660 в 2022 г. и созданию 1 200 новых рабочих мест. Основным стимулом для молодых семей стало открытие для них доступа к кредитной линии Народного банка Тувы, подконтрольного правительству республики. Помимо земли, субсидии, юридического и организационного сопровождения каждая семья наделяется правом получить на строительство своей фермерской усадьбы 300 м³ древесины по льготной цене (по 100 р/м³). По условиям проекта его участники обязаны передать по 200 голов овец из своих отар в фонд проекта, предназначенных для следующего поколения участников, а также выплатить 50% кредита².

На примере антикризисных проектов становится очевидным, что неформальная занятость в малом бизнесе и небольших фермерских хозяйствах дает возможность жителям отказаться от пассивного иждивенческого образа жизни, са-

¹ Тува улучшила показатели в рейтинге регионов по легализации неформальной занятости: по итогам 9 месяцев текущего года регион поднялся с 65-й позиции на 43-ю. URL: https://tyva.ru/press_center/news/society/37981/ (дата обращения: 25.10.2020). Текст: электронный.

² Об утверждении Порядка предоставления государственной поддержки на реализацию проекта «Кыштаг для молодой семьи»: постановление Правительства Республики Тыва от 05.06.2017 № 253.

морerealizovatsya, povysit' uroven' dokhodov i material'nogo obespecheniya sem'i, chto sposobstvuet snizheniyu bezrabotitsy v regione i oslableniyu napryazheniya v obshchestve.

Выводы

В условиях современных вызовов турбулентности неформальная занятость и самозанятость в секторах экономики сохраняют свою социально-адаптационную значимость как для экономики, так и различных социальных групп населения в целом. В период трансформации общества от индустриальной к постиндустриальной экономике одни профессиональные группы могут утрачивать свою функциональную роль на рынке труда, в то время как другие профессии становятся более значимыми, отражая тем самым структурные изменения в системе занятости на рынке труда.

Рыночная модель Монголии, основанная на цивилизационных корнях кочевого общества, в современных условиях продолжает культивировать традиционное скотоводство как возможность удачного совмещения прошлого и настоящего в рамках подходов неотрадиционализма и неоархаизма. Широко распространенные виды неформальной занятости вкупе с социальными процессами миграции и урбанизации, бедности и безработицы остаются важными механизмами социальной адаптации монгольских граждан к условиям социально-экономической нестабильности и неустойчивости развития страны.

Формируется новая система трудовых отношений с характерными для регионов трансграничья формами организации труда. Результаты исследований показывают, что интересы рынка труда и рынка профессий не совпадают и социальное противоречие между признанием общественной значимости профессий и их реальной востребованностью и привлекательностью среди населения в ближайшее время может быть достигнуто лишь в частичном объеме.

Как показывает реальный опыт, при формировании феномена традиционных самозанятых на рынке труда на российско-монгольском трансграничье должна учитываться не только ситуация с социально-профессиональными группами в модернизирующемся обществе, но и особенности специфических (архаических) групп. Традиционные самозанятые восполняют «пробелы» в социально-профессиональной структуре в виде производства своих исконных товаров и услуг. Легализация самозанятости становится важным приоритетом в развитии рынка труда и социальной поддержки активных граждан.

Литература

1. Водопьянова А. И., Леонова Л. А. Исследование характера неформальной занятости // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 6(240). С. 13–23. Текст: непосредственный.
2. Гимпельсон В. Е. Неформальная занятость в России // Демоскопweekly — 2003. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0107/tema01.php> (дата обращения: 15.10.2022). Текст: электронный.
3. Самба А. Д.-Б. Тенденции профессионализации традиционных видов занятости в Республике Тыва // Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва: монография / ответственные редакторы З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. Москва; Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 90–103. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 23.11.2022.

REGIONAL SPECIFICS OF INFORMAL EMPLOYMENT
IN RUSSIA AND MONGOLIA

Zinaida T. Golenkova

Dr. Sci. (Philos.), Prof.,

Head of the Center for Research of Social Structure and Social Stratification

Institute of Sociology,

Peoples' Friendship University of Russia

5/1 Bolshaya Andronevskaya St., Moscow 109544, Russia

golenko@isras.ru

Tseveeny Tssetsbileg

Ph.D., Chief Researcher,

Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences

15 Baruun Selbe St., Ulaanbaatar, 211238, Mongolia

A/Prof.,

Institute of Foreign Languages

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

tsetsbilegts@gmail.com

Damdin D. Badaraev

Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof., Senior Researcher,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

A/Prof. of Department of Social Work Theory

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

damdin80@mail.ru

Yulia V. Goliusova

Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher,

Institute of Sociology,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS

5/1 Bolshaya Andronevskaya St., Moscow 109544, Russia

ygoliusova@yandex.ru

Anna D.-B. Samba

Junior Researcher of Social Structure Department,

Institute of Sociology,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS

5/1 Bolshaya Andronevskaya St., Moscow 109544, Russia

sundui2012@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of informal employment in Mongolia and the regions of the Russian-Mongolian border area — the republics of Buryatia and Tuva. Informal employment is considered as an adaptation mechanism of the population in the conditions of modern socio-economic challenges. The analysis of statistical data has shown the

importance of the problems of informal employment for the studied territories and the need to resolve them by methods of state regulation. Introduction of the status of own-account worker in Russian practice marked the beginning of the legalization of informally employed people, the possibility of their registration through a special tax regime and the provision of state support measures, which are of special importance in the times of crisis. This tax regime has also become available for individual entrepreneurs who wish to gain state support. Transformation of society and labour markets has influenced the revitalization of traditional economic practices in the Russian-Mongolian transboundary. The consolidation of the institution of private property in society and the diversification of economic sectors contribute to the spread of free professions in society.

Keywords: informal employment, own-account worker, special tax regime, legalization, Mongolia, Buryatia, Tyva.

Acknowledgements. The work was supported by RFBR project 20-511-44011 Mong_a "Informal Employment in Russia and Mongolia in the Context of Globalization"

For citation

Golenkova Z. T., Tseveeny Tsetsenbileg, Badaraev D. D., Goliusova Yu. V., Samba A. D.-B. Regional Specifics of Informal Employment in Russia and Mongolia. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2022; 1: 24–37 (In Russ.).

The article was submitted 19.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 23.11.2022.